

1.

Павлов поднял глаза и несколько секунд молча глядел на лётчика. Тяжёлый, немигающий взгляд был у Павлова, пристально смотрел он в лицо молодому лётчику, а тот глядел в ответ браво и наивно, словно говорил без слов, что не знает и не понимает, отчего такая давящая тяжесть во взгляде светлых глаз Павлова и отчего у него такое белое, застывшее, как маска, лицо.

Павлов был в генеральском кителе с высоким воротником, обведённым золотым кантом, на больших красных петлицах пять звёзд, которые ярко сияли в свете летнего утра, лившегося из окна. Крупная голова сидела без шеи на широких плечах, мощная грудь, обтянутая зелёным сукном, дугой выпирала вперёд. За спиной Павлова, на стене, висела большая карта Западного особого военного округа, с двух сторон наполовину задёрнутая чёрными шторами. Но смотрел он на другую карту, расстеленную перед ним. И эта карта тоже была большая, края свисали со стола. На столе стояли два чёрных телефона и аппарат ВЧ-связи с золотым гербом СССР на диске. Молодой лётчик, глядя на него, сказал себе с трепетом: «Вот по этому он говорит со Сталиным».

Лётчик, фамилия которого была Курносов, впервые видел знаменитого генерала, танкиста,

грозу басмачей, героя испанской и финской войн Павлова, впервые был в кабинете командующего округом.

Павлов, внимательным немигающим взглядом просветив лётчика, качнул наголо бритой головой и упёрся глазами в светло-зелёное пятно на карте — лесной массив на границе города Кобрина. В тишине просторного кабинета, с сейфом в углу и графином и гранеными стаканами на отдельном столике, он некоторое время рассматривал это пятно. Лётчик ждал, не меняя позы, — невысокий, широкоплечий, в гимнастёрке, туго перетянутой портупеей, в фуражке на коротко стриженных русых волосах. На боку у него висел планшет. Лётчик был как картинка: ладный, гладко выбритый, в до блеска начищенных ботинках, и запах от него исходил — кожаной портупеи и одеколona.

— Вот тут они должны быть, — негромко сказал Павлов и кончиком остро отточенного красного карандаша обвёл зелёное пятно с квадратами внутри. Это были казармы и гаражи военного городка.

Лётчик ждал.

— Вот что, лётчик... — Снова Павлов поднял на него глаза, и снова что-то тяжёлое, давящее надвинулось на молодого лейтенанта. Опять он видел перед собой большую, бритую наголо голову, и крупные уши, которые казались странно голыми из-за отсутствия на голове

волос, и едва заметные редкие брови, а под ними светлые пронзительные глаза. — Поле-тишь сюда. Сядешь на Именинском аэродроме. Найдёшь командира укрепрайона, — он пока-зал на карте круг с надписью «УР-12», — и пере-дашь ему... — Кивнул на край стола, где лежал узкий жёлтый пакет с сургучной печатью. — С тобой полетит мой делегат полковник Авра-менко. Выполняйте.

Лётчик взял пакет со стола, расстегнул план-шет, опустил в него пакет, снова застегнул план-шет — всё чётко, как на параде, — и спросил:

— Разрешите идти, товарищ генерал армии?

— Иди.

Так же чётко он крутанулся через левое плечо, пошёл к двери и услышал за спиной негромкое, странное, неуставное:

— Надеюсь на тебя, лётчик.

Оставшись один, Павлов опустил голову к карте и долго смотрел на красные полукружия вдоль границы. Каждое полукружие было подпи-сано — 4А, 10А, 14МК, 22ТД, 30ТД... Павлов, глядя на карту, видел театр военных действий во всей его широте и долготе, видел леса и болота, деревни и даже отдельно стоявшие строения, амбары, элеваторы и силосные башни, а когда он взглядом двигался по проложенным по зелени чёрным ниткам, то видел дороги — ленты шоссе, по которым в случае войны предстояло идти

на запад в неуклонном сокрушающем движении сотням танков.

В час ночи его вызвал к аппарату в штаб округа нарком обороны Тимошенко. «Ну как у вас, спокойно?» Нет, не спокойно; наблюдается большое движение немецких войск на правом фланге, в Сувальский выступ трое суток подряд идут немецкие мотомехколонны, во многих местах границы с той стороны снимают колючую проволоку. Тимошенко успокоил. «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но, смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». Без четверти два из шифровального отдела принесли линованный листок с багрово-красными буквами ШИФРОВКА и с машинописным текстом — полученную только что из Москвы директиву. Листок лежал на столе у Павлова.

1. В течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, Зап.ОВО, КОВО, Од.ОВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия,

могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

- а) в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;
- б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;
- в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;
- г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъёма приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;
- д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Павлов читал короткий текст на жёлтом листке, откладывал, снова брал и снова читал.

Вникал, пытался понять. Первая задача — не поддаваться на провокации. За крупные осложнения — ответишь. Это он уже слышал десятки раз за последние месяцы, твердили по линии наркомата, по линии Генштаба, сыпали телефонограммами из Москвы, звонили по телефону из минского ЦК от Пономаренко: не поддаваться, не реагировать, не стрелять, не двигаться, мер не принимать... А то, что было перечислено в пунктах от «а» до «д», за ночь выполнить невозможно. Он понимал так: в Генштабе подстраховывались, всю ответственность перекладывая на округ. «Павлов все необходимые инструкции своевременно получил».

Директиву, через полчаса после получения, он за своей подписью переслал в штабы трёх своих армий, 3, 4 и 10-й, хорошо понимая, что в три часа ночи начинать мероприятия по затемнению городов никто не будет, людей не добудишься, не соберёшь; и приказ о рассредоточении авиации дойдёт до аэродромов только к утру.

В его большом кабинете, обшитом дубовыми панелями, ярко сиял свет. Свет казался ещё ярче оттого, что густая тьма за окнами. У офицеров, приносивших ему на стол сообщения с границы, были сосредоточенные лица людей, понимавших, что происходит что-то тревожное, необычное; доклады о выдвижении немцев не прекращались, и тогда Павлов,

в напряжённом ожидании того, что уже казалось неизбежным, по ВЧ-связи вызвал командующих армиями Коробкова, Кузнецова и Голубева и приказал им немедленно, не дожидаясь утра, прибыть в штабы и быть наготове. Наготове к чему? И, глядя на карту, постукивая по карте карандашом, играя желваками челюстей, думал: сам-то он наготове? всё ли у него наготове?

Тяжёлые мысли и предчувствия угнетали его. Знал, что с горючим в округе плохо, запас всего триста тонн — слишком мало для мехкорпусов и танковых дивизий, на трёхстах тоннах три тысячи танков далеко не уедут. Знал, что 6-й мехкорпус имеет всего одну четверть заправки, что новые МиГи на аэродромах не заправлены, что по его же, Павлова, приказу техники начали снимать с них пулемёты ШКАС, плохо стреляющие или совсем не стреляющие, что артиллерия сейчас без тракторов и тягачей, их забрали на строительство УРов, которое, как всякое большое строительство у нас, превращается в беспорядок с поставками материалов, с отсутствием обещанной техники... А горючее есть на складах, но где? В Майкопе. Не подвезли...

В два часа ночи связь со штабами на границе прервалась. Карандаш командующего округом ещё чаще застучал по карте. Связь восстановить немедленно и доложить! Представил, как там, у границы, в ночи, в свете фонарей, связисты лазают по полям и оврагам, шарят ладонями

по проводу, ищут обрыв. А если диверсанты? Павлов знал из сообщений своей, округа, разведки, что немцы диверсионный полк «Бранденбург» перебросили на границу, восемьсот отлично обученных диверсантов, что они сейчас там делают? Когда через полтора часа связисты нашли обрыв в Жабинке и в Запрудках и восстановили связь, Павлов уже больше ждать не мог, не хотел: на свой страх и риск передал по телеграфу приказ о немедленном приведении частей округа в боевую готовность. И тут же посыпались сообщения от пунктов ВНОС* — немецкие самолёты в небе!

С четырёх утра, когда началось то, чему он пока не знал названия, — провокация? конфликт? война? — он много раз брался своей крупной ладонью мужика и танкиста за трубку телефона, прижимал её плечом к уху, задавал короткие вопросы, выслушивал путанные ответы, долго смотрел на карту, умственным напряжением пытаясь вычленить из хаоса происходящего замысел тех, других, которые в эти часы переправлялись по захваченным мостам через Буг, накапливали пехоту у красных кирпичных стен Брестской крепости и гнали вперёд танковые клинья, потом широкими шагами проходил по коридорам штаба, говорил по прямому

* Воздушное наблюдение, оповещение, связь.

проводу привычно-уверенным, наработанным десятилетиями службы и командования голосом, приказывал, требовал «поднять войска и действовать по-боевому», но его собеседники на другом конце провода вдруг исчезали на полуслове, а в трубке оставалось долгое монотонное гудение. «Да мать твою, опять нет связи, где связь, что ж такое!»

Павлов не сказал лётчику, что с утра уже отправил в УР-12 двух делегатов на мотоциклах. Один уехал в восемь утра, другой в десять, и никаких сообщений от них не поступало. Они исчезли там, на западе, в полях и лесах, где в ярком свете летнего воскресного дня происходило что-то непонятное, беспорядочное, страшное.

СССР

НКО

—

ШТАБ

3

Армии

Командующему Зап. ОВО

Боевое донесение №1/ОП ШТАРМ 3 ГРОДНО

22.6.41 4.45

Карта 200.000

Противник в 4.00 22.6 нарушил госграницу на участке от СОПОЦКИН до АВГУСТОВ, бомбит ГРОДНО, в частности Штарм.

Проводная связь с частями нарушена, перешли на радио, две радиостанции уничтожено. Действуем в точном соответствии с директивой № 002140/СС по прикрытию госграницы.

Запасной КП — лес ПУТРЫШКИ.

Дописано от руки:

На участке (название места неразборчиво) Августово бой.

КОМАНДУЮЩИЙ 3 АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ КУЗНЕЦОВ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
АРМЕЙСКИЙ КОМИССАР 2 РАНГА БИРЮКОВ

НАШТАРМ 3
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КОНДРАТЬЕВ

Подписано 4.45 22.6.41 г.
Отправлено в 5.10

Отпечатано 2 экз.
Экз. № I — Штаб ЗапОВО

Экз. № 2 — в дело Штарм-3
ШИФРТЕЛЕГРАММА № ОСОБО СЕКРЕТНО
ШИФРОМ

Снятие копий воспрещается

Минск

Комвойсками ЗОВО

Доношу в 4.15 22.6 противник начал обстрел крепости Брест и района города Брест. Одновременно пр-к начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6.00 Артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75 и 22 и 30 тд выходят в свои районы; о 49 сд данных нет. Штакор 28 Жабинка. Данных к 6.30 о форсировании пр-ком р.Буг не имею. Штабам перехожу на запас. КП. Буховиче. 22 тд под арт огнём в беспорядке вытягивается в свой район. Самолёты пр-ка с 6.00 начали появляться группами по 3-9 самолётов, бомбили пружанскую дивизию, результаты неизвестны.

6.40-22.6.4I

Генерал-майор Коробков

Дивиз. комиссар Шлыков

2.

План Павлова! Как хорошо, как чётко, как сильно звучит! И правда, был хорош его план — план прорыва, — который он докладывал полгода назад, в снежном ледяном декабре, в Москве, в торжественном, сияющем рубиновыми звёздами Кремле. Но ведь и не скрывал тогда, что для осуществления такого большого, сильного плана нужна организация высочайшей степени, совместная работа бронетанковых сил и авиации, помощь стрелковых корпусов, напряжение тыла. Кто-то из зала упрекнул его, что слишком сложно задумано, он ответил чётко: «Если заниматься этим, то не сложно».

Безупречное сцепление всех шестерёнок военного механизма — вот он, ключ к победе. Шесть, семь тысяч танков ввести в прорыв — нужна прекрасная организация, великая слаженность и понимание манёвра у всех, от командира корпуса до командира танка. Колонна танкового корпуса имеет глубину двадцать два километра; и вся эта машина идёт вперёд, мчится на полной скорости, требует непрерывного подвоза снарядов и горючего. Упустишь мелочь, запнёшься на ходу, не успеешь — катастрофа. Павлов знал, что у предыдущего командующего округом, генерала Ковалёва, был случай, когда на манёврах на дорогах от Новогрудка

до Волковыска встали на дорогах 75% всех танков. Три четверти танков встали! Не было горючего. Не подвезли. Забыли.

Как можно при танковом марше не подвезти горючее? А вот так.

Он знал, как легко из начального чёткого порядка, когда все приказы отданы и объяснены командирам, когда всё распланировано в директивах, расчерчено на картах, вдруг из-за ерунды или дурака возникает хаос. Достаточно остановиться на дороге одному артиллерийскому дивизиону, одной танковой или автомобильной роте, как немедля, как назло, идут навстречу колонны прямо на это место, втыкаются, смешиваются и получается — что получается? — полное неразбери-бери.

Получается огромная пробка, где нос к носу сталкиваются и стоят так, что не расцепишь, танки, грузовики, артиллерийские тягачи с пушками, командирские машины, полевые кухни, на которых сидят верхом повара с черпаками. Бегают по обочинам офицеры и орут друг на друга: «Куда? Не туда! Съезжай! объезжай!» Хорошо, если только орут, а не поднимают друг на друга руки, не хватаются за пистолеты... И всё подходят и подходят к затычке, созданной одной-единственной авторотой с неумехой-лейтенантом, новые и новые части, и вот уже на два десятка километров растянулись войска,

и ни туда, и ни сюда. И конечно, в этот самый момент налетает вражеская авиация...

Вершинин, Константин Андреич, Костя, его друг и соратник по танковым войскам, инспектор автобронетанковых войск, рассказывал: зимой 1939-го в Финляндии с батальоном пошёл в прорыв. Как положено, все вопросы согласовал, со всеми командирами договорился, и вот что вышло после полной увязки всех вопросов: радиосвязь, обещанная начальником связи, отсутствовала, артиллерия не поддержала, авиация не прилетела... А был у него там всего батальон. А если — армия? Две армии? Три, как сейчас у Павлова? Какого размера будет столкновение на дорогах и чем всё кончится?

В мирное время выговором начальника Генштаба.

А в военное? Трибуналом? Расстрелом?

Вот этого он и опасался больше всего и поэтому требовал от командиров на манёврах точности, точности, чёткости, чёткости.

Требовал, чтобы зарубили себе на носу — ночью разбуди, и ответят без запинки — основные понятия плана Павлова: исходный район, выжидательный район, исходный уравнильный рубеж...

Танковый корпус — ударный наконечник копия РККА, точка приложения сил всей советской промышленности, всего тыла. Один боекомплект танкового корпуса — сто вагонов.

Значит, железнодорожные пути освобождаются от пассажирских, товарных, скорых и всех других поездов; и в курьерском режиме, без остановок, сотни поездов с тысячами вагонов со снарядами день и ночь мчатся на запад, туда, где танки идут в прорыв и стремительно развивают наступление по территории противника.

В этом и состоял план Павлова.

Павлов знал, что война будет короткой. Это следовало из анализа войны в Европе. Польшу немцы разгромили за 17 суток. Бельгию и Голландию за 15 суток, Францию за 17 суток. Вот сколько длится манёврнная война, а иначе и быть не может, потому что она ведётся с таким напряжением всех сил государства, которое не может продолжаться долго. Короткое, сверхсильное напряжение, сокрушающий удар, глубокий прорыв и крах не только обороны, но и всей государственной жизни противника — вот что такое современная война.

Застывшего на месяцы и годы фронта с долгим, мучительным окопным противоборством и взаимным изнурением не будет. С первого дня, с первого часа войны будет удар — и прорыв. В Польшу — вот она, тут, на карте, под боком у его округа, разгромленная и захваченная немцами за три недели Польша — немцы ворвались подвижными группами. Гудериан с ходу промчался на танках сто километров...

в день мехгруппы проходили до шестидесяти километров, сбивая заслоны, ввергая оборону в хаос. В Голландии и Бельгии одних мотоциклистов у немцев было шестьдесят тысяч, мчались вперёд по шоссейным дорогам, проскакивали города... Во Франции то же самое — линию Вейгана немцы прорвали сразу во многих местах координированными ударами двух тысяч танков. Вот о линии Вейгана Павлов и думал сейчас.

Ещё недавно он свысока и чуть презрительно думал о генерале Вейгане, который год назад, в мае 1940-го, не смог остановить немцев. А почему не смог? Не подготовились французы, плохо подготовились. Не создали вовремя сплошную полосу обороны с бетонными укреплениями, только и сделали, что отрыли кое-где разрозненные линии окопов... Но так разве остановишь современную механизированную армию? Через французские линии немецкие танки прошли ножом сквозь масло. И пошли вперёд, опережая в своём движении отступающих французов. Снова, значит, то же самое: глубокий прорыв на большую глубину, масса стремительных танков и темп. Главное — темп!

Ещё совсем недавно думал о французах свысока, как о легкомысленном народе, сидящем в кафе, пьющем вино, прозевавшем немецкий удар, а к генералу Вейгану, поджарому старику в высоком круглом кепи с позолоченным позументом и с тросточкой в руке, относился как

к неудачнику. Хуже нет, жальче нет, чем разгромленный военачальник. И вот теперь, этой тёмной июньской ночью, когда с границы час за часом приходили сумбурные, беспорядочные сообщения, и нарастало то, что он называл своим любимым выражением «неразбери-бери», и он не знал, где у него штабы, и куда пропали дивизии, и что делают мехкорпуса, и что происходит в недостроенных, не готовых ещё к войне укрепрайонах, ему вдруг открылось — а сам он сейчас не так же, как этот Вейган?

Но, с неподвижным лицом склоняясь над разложенной на столе картой, он гнал от себя эту мысль.

Он любил танки, их грозный вид, их короткие пушки, их наклонную броню, любил рык, с которым заводились их моторы, и стук люка, который закрывался, когда он опускался вниз, в башню. Зычным командирским голосом приказывал механику-водителю: «Вперёд!» В этом коротком «Вперёд!» было сжатое, решительное, даже злое предвкушение того, что сейчас произойдёт. Танк трогался с места, с рёвом двигателя набирал скорость и нёсся по пересечённой местности больших манёвров, проваливаясь в ямы и вылетая из них, разбрызгивая воду и грязь мелких рек, взлетая всем своим многотонным телом с пригорков, чтобы пролететь по воздуху и снова упасть на землю и бешено

мчаться дальше... И люди, смотревшие за манёврами с трибуны, специально сооружённой для них, — партийные секретари, главные конструкторы, парторги танковых заводов, представители ЦК, иностранные военные атташе — переглядывались и говорили друг другу восхищённо: «Ну, Павлов! Танкист! Летает в танке!»

Но Павлов не только сам летал в танке, он требовал от других — от командиров танковых корпусов, танковых дивизий, танковых полков, от всех своих бравых, весёлых, уверенных в победе в будущей войне танкистов — такого же полёта. Все они должны были узнать и освоить приёмы новой грядущей войны, в которой танкам и самолётам принадлежит главная роль. Танкисты, хоть и в чёрных комбинезонах, — белая кость армии. Так он думал. Нет никакого резона растрачивать боевую мощь танковых корпусов на столкновение с зарывшейся в землю пехотой противника; пусть стрелковые корпуса вершат этот тяжёлый кровавый труд, прорывают оборону, делают брешь, а когда сделают — приходит время танков. На полной скорости, в дыму и огне, они входят в прорыв; над ними висят сотни истребителей из приданных им, находящихся в их подчинении авиадивизий, прикрывающих их от атак чужой авиации; и так они со стуком траков об асфальт несутся по шоссейным дорогам чужой земли, вглубь вражеской страны, к ничего не подозревающим европейским городам,

находящимся далеко от фронта и поэтому чувствующим себя в безопасности. Утром жители просыпаются, выходят, зевая, на вымощенную средневековым булыжником площадь с аптекой и кафе — а на площади стоят танки с красными звёздами на башнях и танкисты, сняв шлемы, умываются водой из фонтана...

Так он это видел.

Танки решают судьбу государства — правильно сказал его друг Вершинин.

И поэтому он предусмотрел двести самолётов с грузоподъёмностью три тонны каждый — целый воздушный флот для подвоза огнеприпасов. Но есть ли у нас столько самолётов? BBC говорят, у них нет столько самолётов! Хорошо, если столько самолётов нет, то Павлов соглашался на пятьдесят — и пусть летают челноками, доставляя наступающим танкам то, что им нужно.

В Москве, в декабре, на совещании комсовета, товарищ Будённый упрекал товарища Павлова: «Что же ты вопрос использования конницы в прорыве не развил!» И поправлял товарища Павлова: вслед за танками в прорыв должна идти не пехота, а кавалерия! (А только потом пехота.) Ну, где два тактика, там три мнения; Павлов относился к этому понимающе, снисходительно: что сказать, старый маршал, он же кавалирист!

Но, конечно, конь танку не товарищ. Это разное.

«Конечно, танкисту хочется, чтобы его корпус как святой вышел на престол, непотрёпанный. Конечно, его мечта — громить тылы, станции, жандармерию. Но это не просто. По-видимому, свободу действий придётся чаще завоёвывать боем».

Геометрию движения танковых колонн сразу по многим дорогам Павлов осматривал на манёврах с воздуха, сидя в кабине У-2 за спиной лётчика. С высоты ясного неба он видел длинные колонны, шедшие на запад в клубах пыли, видел посаженную на танки пехоту и зенитные пулемёты, однако же не нацеленные на небо. Все зенитные средства на марше были в состоянии полного мирного покоя! «Давай пониже!» — крикнул он лётчику. Самолёт снизился и теперь летел на небольшой высоте над колонной. «Разгильдяи! — гневно крикнул Павлов. — Сукины дети!» Он требовал от своих танкистов на манёврах полной готовности: «Товарищи командиры, забудьте, что это манёвры, это бой, тут каждая оплошность чревата гибелью машины и личного состава!» — и вот они шли вперёд с зенитными пулемётами, стволы которых не поворачивались в небо даже при приближении самолёта, а ведь по условиям учения колонну должны были бомбить. «Давай ещё ниже!» Чуть не задевая

колёсами шлемы танкистов, стоявших в открытых люках, летел У-2 над колонной, и тогда один из танкистов погрозил самолёту кулаком, другой, увидев это, погрозил кулаком тоже, и за ним третий, и ещё один, и ещё... и вот уже вся колонна, смеясь, грозила кулаками командующему.

Но где же ваши механизированные корпуса, генерал армии Павлов? Где же могучий удар нескольких тысяч танков навстречу врагу, удар, который в первые же часы войны решает её результат? Где концентрические удары, о которых вы так хорошо, так дельно, с такой красивой военной чёткостью говорили на большом совещании комсостава? Где же они, ваши хорошо продуманные схемы, которые так красиво нарисовал цветной тушью для вашего доклада полковник Авраменко, и ваши многоступенчатые этапы прорыва, о которых вы докладывали в присутствии товарища Сталина, членов политбюро, Генштаба и двухсот семидесяти высших командиров Красной армии всего полгода назад, в последние дни декабря, когда с чёрного неба медленно шёл белый пушистый снег и в медленных его струях пылали багровые звёзды на башнях сказочного Кремля?

Пожалуй что, план Павлова — план циклопического танкового удара, решающего войну, — вызвал бы сомнения даже у невоенного человека, если он был читателем Толстого и знал

про «erste Kolonne marschieret, zweite Kolonne marschieret...» Уж больно много в нём было глав, этапов, инструкций, пунктов, цепляющих одно за другое согласований. Но читателей Толстого на большом совещании в Кремле не было.

3.

Через полчаса лётчик Курносов и полковник Авраменко в лётных шлемах и больших лётчицких очках сидели в кабине самолёта связи У-2, выкрашенного в зелёный, с красными звёздами в белой кайме на крыльях. Техник взялся за лопасть, лётчик в кабине подкачал насосом бензин и покрутил магнето. Сильно забирая ручку на себя, Курносов лихо взлетел с короткого разбега. Как только он ощутил подрагивание ручки в руке и плавное хождение педалей под ногами, так сразу же почувствовал себя на своём месте — прирождённому лётчику удобнее сидеть в жёстком дюралевом кресле пилота, чем на мягком диване в клубе офицерского общежития.

Ему было двадцать три. Десятилетним пацаном в Москве, на Хавской улице, стоя среди красных домов рабкоммуны, он видел, как вот такой же биплан У-2 под гремящие звуки марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» по спирали облетает Шуховскую башню; и с того момента знал, что будет лётчиком. На восьми трамваях с пересадками он ездил на Ходынское поле смотреть на самолёты и видел авиаторов в кожаных куртках, очках и шлемах; потом в центральном аэроклубе летал на планерах и в Качинской авиашколе на У-2 и Р-5; он сидел

на гауптвахте за то, что исполнил не одну мёртвую петлю, а накрутил их сразу три; выпускник с высшей оценкой по пилотированию, он мечтал о новых истребителях Як-1 и МиГ-1 и рекордах скорости, а получил назначение лётчиком связи при штабе Западного особого военного округа и тихоходный биплан У-2. И вот теперь, глядя вперёд через рамку козырька и лётчицкие очки, он видел перед собой сливавшиеся в круг лопасти пропеллера и в чистой, прозрачной утренней голубизне вёл самолёт на запад.

Удобно устроившись в узкой кабине на парашюте, в окружении привычных для него вещей — ручка управления, сектор газа, авиагоризонт, тахометр, альтиметр, вариометр — Курносов думал о том, что отвезёт пакет и полковника на Именинский аэродром, вернётся в Минск и сегодня же напишет рапорт о переводе в истребительную авиацию. Он попросится в 123-й полк, получивший новые Як-1. Он видел их, эти современные самолёты с длинными узкими фюзеляжами, стоявшие в ряд на дальнем краю аэродрома. Стремительные красавцы с мощными моторами, как он хотел очутиться в их кабине... А если не успеет сегодня, то завтра с утра, тянуть с этим нельзя, война продлится недолго, он должен успеть. «Малой кровью могучим ударом», — пелось в его любимой песне из фильма «Если завтра война», который он смотрел три раза.

Полковник Авраменко, сидевший в кабине У-2 за спиной лётчика Курносова, знал, что война будет не такой, как в кино. Совсем не такой. Он знал, что сам характер современной авиации предполагает удары по городам, которые подвергнутся разрушениям, что народному хозяйству в тотальной войне будет нанесён большой урон; разрушены будут мосты и электростанции, огромные территории будут опустошены войной; ещё он понимал — на основе данных о мобилизации в Германии и численности вермахта, а также зная собственные, советские, мобилизационные планы, — что война будет столкновением не армий, а народов.

То, что война будет, он знал уже давно, с сентября 1939-го, когда немцы напали на Польшу; он понимал, что это только начало, что одержимая фашистским бешенством Германия покатится всеми своими танками дальше, в безудержной агрессии, в мании захватов и убийств; он выводил войну из характера германского империализма с той же непреложной точностью, с какой выводят результат из математического уравнения. Это был метод, которым он, как офицер-коммунист, владел отлично, — диалектический материализм, умение смотреть вглубь вещей и видеть их в ясном свете марксистско-ленинской философии и современной военной теории, которую он штудировал дома по вечерам, сидя за письменным столом в свете лампы

под жёлтым абажуром, скрестив ноги в тапочках под стулом, иногда оглядываясь на жену: «Ещё полчаса, ладно?» И раскрытая школьная тетрадка перед ним.

У них с женой Машей, в их комнате в коммунальной квартире, состоявшей из четырнадцати комнат, коридора, туалета и кухни, было два стола, письменный и обеденный. На обеденном, покрытом коричневой скатертью с бахромой, всегда лежали стопки тетрадей, которые жена приносила из школы; и на душе его было хорошо и спокойно, когда они вечерами в тишине сидели каждый над своей работой — он над лекциями по глубокой тактике Иссерсона*, она над контрольными по русскому языку.

И оба с карандашами в руках.

У него был тонкий, остро отточенный, чёрный, которым он делал линии на полях, отмечая важные места и понравившиеся ему формулировки, а у неё красный с толстым грифелем, которым она исправляла ошибки и выводила отметки.

День он начинал с чтения газеты «Правда», в международных новостях которой находил подтверждение своим мыслям и выводам. Падение Франции заставило немецких милитаристов

* Иссерсон Георгий Самойлович (1898–1976) — полковник, военный теоретик, профессор Академии Генштаба, арестован 7 июня 1941 года, до 1955-го в лагерях и ссылке. Автор трудов по военной истории, тактике и стратегии.